

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лучи прожекторов в "Павильоне" металась среди танцующих, то и дело меняя свой цвет. Площадка была переполнена. Большинство танцующих были в форме, офицеры вперемешку с матросами. Изредка мелькал цвет хаки или голубой мундир ВВС, но в основном преобладала морская форма.

Чэмберс ловко водил девушку из середины толпы на край площадки и обратно. Они весело смеялись в разноцветном мигании прожекторов. На ней было все то же черное однотонное платье, что и в буфете: он торопил ее и не пустил домой переодеться.

Люблю я прыгать и плясать,
Да ноги ходят невпопад.
Сегодня вымыла я их,
Вот и не справится никак.

Они развернулись и боком весело юркнули в образовавшееся свободное пространство.

Ну, куплет, рифмы нет -
Язык свернет, кто хошь.
Коль наша песенка глупа,
Зачем ее поешь? ¹⁰

Он сказал:

- Не надо петь эту песню. Она пронзает меня как стрела - в самое сердце.

Она залилась колокольчиком:

- Да будет тебе. Теперь-то в чем дело?

- Я назначил свидание с Белоснежкой. А из-за тебя пришлось его отменить.

- Ну, болтун. Ты же говорил - с Джинджер Роджерс.

¹⁰Песенка гномов из знаменитого мультфильма Уолта Диснея "Белоснежка и семь гномов".

- Я помню. Они все за мной увиваются, оттого что я так хорошо танцую.

- А когда ты с Джинджер Роджерс танцуешь, вы делаете шассе во вращении назад?

- Давай больше не будем об этом, - с достоинством сказал он. - Я делаю шассе всякий раз, когда танцую с Белоснежкой. И Дисней, между прочим, показывает это, как надо.

Она опять засмеялась, заглядывая ему в лицо снизу вверх:

- Чтобы у тебя это получилось, как надо, ему пришлось бы оттягивать тебе ногу в сторону, как собачке Pluto хвост.

Танец закончился. Он проводил ее обратно к столу, на котором они оставили свои пальто, чтобы его никто не занял, и купил две порции клубничного мороженого - себе и ей. Потом она сказала:

- А чем ты занимаешься, когда у вас нет полетов?

Он сказал:

- Пишу автобиографию. В двадцать три года - самое для этого время.

Она посмотрела на него и сказала неуверенным голосом:

- Неправда, ты книжек писать не умеешь.

- Такую книжку может написать кто угодно. Моя будет называться: "Сорок лет в звании старшего лейтенанта ВВС".

Данс-холл стоял на пирсе у самого берега. Таинственный и страшный в кромешной темноте карабкался у них под ногами вверх по песку прилив. Ни один огонек не мелькал снаружи в морском пространстве. Там, невидимые среди черной зыби, без огней, пробирались украдкой редкие корабли. В двадцати милях от берега и в пяти - друг от друга лежали, дрейфуя вместе с приливом, два деревянных суденышка с заглушенными машинами. На каждом из них в крохотной, тускло освещенной кабинке сидел человек. Перед каждым стоял электрический аппарат, на голове у каждого были наушники. Время от времени оба вращали ручки своих конденсоров.

Они сидели так всю зимнюю ночь и слушали, слушали.

Уплетая клубничное мороженое, девушка сказала:

- Нет, серьезно, что ты делаешь, когда не летаешь?

Он сказал:

- Строю корабли.

Она опять засмеялась:

- Нет, серьезно.

- И я серьезно, честное слово. Сейчас вот делаю галеон.

- Это как в магазине продается, из кусочков собирать?

- Точно.

Ее мысль ушла по касательной в сторону:

- А люди на этом корабле сегодня, какой ужас, правда?

Он начал быстро соображать. В вечерней газете о гибели "Лохенти" не было ни слова. Он сказал невинным тоном:

- На каком корабле?

Она сказала, глядя на него круглыми глазами:

- Сам знаешь. Вы же о нем сегодня в баре разговаривали.

Он сказал:

- В баре я никогда служебных разговоров не веду. Там и на плакате написано, что нельзя.

Она сказала:

- Да будет тебе. У вас о нем только и разговоров было с офицерами с траулера, что их из воды поднимали.

Он сказал:

- Я сразу понял, что ты шпионка. Поэтому предупреждаю: не будешь со мной поговорчивей, я донесу на тебя в полицию.

Она сказала:

- Будешь так со мной разговаривать, я пойду домой.

Он сказал виновато:

- Извини. Просто нам по инструкции так положено.

- Не будь таким несносным.

- Ты все слышала, что мы говорили?

Она сказала:

- Не все, конечно: отворачиваешься ведь, берешь продукты с полок.

Но вообще-то мы за день за стойкой столько всего наслушаемся, ты не согласишься.

Он кивнул, став на мгновение серьезным. Когда старые боевые товарищи встречаются, чтобы вместе выпить и перекусить на скорую руку, никакие плакаты в мире не помешают им перекинуться вполголоса парой фраз о работе. Склонившись над стойкой, они разговаривают очень тихо, так тихо, что никому ничего не слышно, кроме буфетчицы, которая стоит рядом.

Он сказал:

- Пойдем, потанцуем еще.

Они вышли на вальс. Партнер из него был неплохой, а она, как и большинство девчонок из ее класса, танцевала великолепно. Успев приноровиться друг к дружке, они скользили по кругу в медленном изящном танце, то ныряя в толпу, то вновь выплывая на край площадки. Тонкий, нежный аромат ее волос коснулся его лица, и совершенно неожиданно взволновал необычайно.

Он сказал:

- Ты что-то сделала с волосами.

Она засмеялась:

- Вымыла. Помолчала немного, потом сказала: - Нравится?

- Запах нормальный.

- Ты просто невыносим. Так со мной ни один парень никогда не разговаривал.

Вальсируя, он сжал ее крепче:

- Это я еще держу себя в руках. Скажи я, что я на самом деле о тебе думаю, так ты бы отвесила мне оплеуху и пошла домой.

Она засмеялась, глядя на него снизу вверх:

- Тогда я и так тебе тебе отвешу, на всякий случай.

- А я отдам тебя под арест. В военное время офицеров бить не положено. Это измена родине.

Вскоре они опять присели отдохнуть. Он дал ей прикурить и сказал:

- А что ты еще сегодня делала, кроме мытья головы?

- До работы сбегала за покупками для мамы. Мы ведь в двенадцать-тридцать открываемся. А потом в обед сделала прическу и сходила домой чаю попить.

- И опять на работу.

- Ну да. А ты что делал?

Он задумался:

- Полетал немного. Чуть не вляпался в жуткий скандал.

- Из-за чего?

- Да, так, по службе. Потом посидел маленько над галеоном.

- Он большой?

Он развел руками:

- Вот такой примерно.

- А когда закончишь, как его назовешь?

- "Мона".

Она улыбнулась, польщенная:

- Болтун, ну, болтун. А потом что делал?

- Потом? Потом я ... а, да, ну конечно, съездил в Саутси и купил кролика.

Она посмотрела на него с изумлением:

- Кролика? А кролик-то тебе зачем? - Потом сказала: - Опять выдумываешь.

- Мне очень больно, когда ты так со мной разговариваешь. - Он повернулся и полез в карман своей длинной голубой шинели. - Ты не достойна его видеть.

Он вытащил коробку. Она с любопытством склонилась над столом, теперь их головы почти соприкасались. Он открыл коробку, достал лампу, щелкнул выключателем, и кролик вспыхнул матовым светом.

Она ахнула:

- Какая прелесть! Где ты его откопал?

Он рассказал:

- Захожу я за губной помадой, глядь, а он стоит на полке.

- За помадой?

- Так у меня и сейчас губы намазаны. - Он достал из ее сумочки зеркальце и посмотрел: - По-моему, ничего.

- Боже, какой болтунишка. Ты помадой не мажешься.

- Много ты понимаешь. Продавщица сказала, что она поцелуеустойчивая. Не возражаешь, если я прямо сейчас и проверю?

- Возражаю.

Они снова пошли танцевать. Вечер близился к концу; квикстеп перешел в бешеный галоп вокруг всей площадки. Потом оркестр замолчал, музыканты встали и заиграли "Боже, храни короля", мужчины вытянулись по стойке смирно, девушки попытались последовать их примеру. Потом - суета в поисках пальто и сумочек, и они оказались на стоянке возле его холодного двухместного автомобильчика.

Чэмберс сказал:

- Уж и не знаю, как он сегодня себя поведет. В последнее время что-то совсем стал барахлить.

Девушка сказала:

- Он заведется сразу, как ты пожелаешь.

Они забрались в кабину.

- А это, пожалуй, идея, - сказал пилот. - Если он заглохнет, мы с тобой загадаем желание и посидим, пока он опять не заведется.

Она сказала:

- Нет уж, так он у нас никогда не заведется. Завести его можно только одним способом: я просто встану и пойду домой.

Он покачал головой:

- Если он заглохнет, а я, заметь, не уверен, что так оно и произойдет, то давай лучше попробуем, сначала, по-моему.

Девушка сказала:

- По-твоему мы попробуем только десять минут. А потом сделаем по-моему.

- Ладно.

Мотор заглох примерно через четверть мили, в тени деревьев.

В море, милях в двадцати от берега, усталый младший лейтенант протиснулся в тесную, тускло освещенную рубку гидроакустика. Матрос в наушниках поднял голову:

- Пока ничего, сэр, - тихо, полушепотом сказал он. - Одновинтовой паровик курсом ост-норд-ост, и все.

Офицер надел наушники:

- Отдохни чуток.

Они поменялись местами, и гидроакустик вышел; офицер уселся перед тускло освещенными приборами и начал медленно вращать ручку конденсора, прощупывая все диапазоны. Снаружи, в кромешной темноте накатывались на корпус волны; при каждом бортовом крене дрефтера где-то в глубине машинного отделения глухо позвякивала слабо закрепленная лопасть. Эти звуки примешивались к шипению в наушниках и ритмичному частому стуку, который раздавался в одной и той же позиции ручки конденсора - где-то далеко шел тот самый паровик. И все.

В воображении младшего лейтенанта ясно возникла фигура немецкого гидроакустика в точно такой же залитой тусклым светом кабинке, прилепленной к изогнутому боку субмарины, медленно вращающего почти такую же ручку конденсора на почти таком же приборе.

- Эта зараза должно быть знает, что мы здесь, - пробормотал усталый офицер. - И до завтрашней ночи, небось, с места не сдвинется...

В темном прибежище автомобильчика, уютно пристроившегося под деревьями, Чэмберс тихо сказал:

- Продавщица говорила, что эта помада поцелуеустойчива. Давай я зажгу спичку и посмотрю?

Девушка устроилась у него на груди поудобнее:

- Не надо. Не мели ерунду.

Пилота вдруг осенило:

- А твоя?

- Что моя?

- Помада. Мне ведь, пока до казармы не доберусь, умыться негде.

Она залилась мелким смехом, уткнувшись лицом в его тяжелую

шинель:

- Моя красится, как все. Ну и видок же у тебя будет. Другие офицеры сразу поймут, чем ты сегодня занимался.

- Меня комиссуют.

- Что это значит?

- Выпрут.

Она сказала:

- Через минутку я тебя вытираю, и мы едем домой.

- Через полчаса.

- Нет, через минутку, - твердо сказала она.

- Что ж тогда понапрасну-то время терять.

Потом она сказала:

- Сегодня был чудесный вечер, мистер Чэмберс. Мне так понравилось, ну просто очень.

Пилот сказал:

- Друзья зовут меня Джерри.

- Я так не могу. Я буду называть тебя Родди.

- Джерри.

- Ну, хорошо. А теперь давай, вези меня домой.

- Джерри?

Она тихонько засмеялась:

- Давай, вези меня домой, Джерри.

- Когда мы опять пойдем гулять?

- А ты меня еще не приглашал.

- Завтра?

- Завтра я не могу. К нам вечером придет дядя Эрнест, с "Айрон Дюк", и я обещала вернуться пораньше. Они вчера пришвартовались. Он папин брат.

- А в четверг?

- Ладно. - Она высвободилась из его объятий и села ровно: - Давай я с тебя помаду сотру.

- Лучше возле дома. А то еще по дороге опять испачкаюсь.

Изношенный двигатель автомобильчика с грохотом проснулся, и они покатали по черным, продуваемым ветром улицам к мебельной лавке, которая служила ей домом. Там двигатель заглох; автомобильчик постоял у поребрика тихий и неподвижный. Минут через пять девушка выбралась на тротуар, засовывая в карман пальто испачканный носовой платок.

Она повернулась обратно к автомобильчику и наклонилась к низенькой дверце:

- Спокойной ночи, - шепнула она. - Чудесный был вечер.

- Спокойной ночи, Мона, - сказал он. - До четверга.

- До четверга, - сказала она. - Я приду.

Она постояла немного, покопалась в сумочке, доставая ключ; потом дверь отворилась, и она исчезла в доме. Чэмберс сидел и смотрел на нее, пока она не скрылась из виду, потом завел машину, и уехал.

Девушка взбежала на цыпочках вверх, в свою комнату и закрыла за собой дверь. Ей и раньше случалось целоваться в темной машине по дороге из "Павильона", но до сих пор ее это никогда особенно не волновало. Не вызывало такой сумятицы чувств. Как странно: с ним она чувствовала себя в полной безопасности, хотя в уме отдавала себе отчет, что его машина - далеко не самое безопасное для нее место. Она понимала его так, как не понимала до сих пор никого; в нем не было ни хитрости, ни коварства. Его легкомысленная манера разговаривать иногда ставила ее в тупик, потому что она к ней еще не привыкла, но даже и в легкомыслии они походили друг на друга. Она чувствовала, что может без труда найти с ним общий язык. С ним было легко и просто.

Счастливая и немного задумчивая, она забралась в постель и закуталась одеялами. Она еще не была влюблена в него, но знала, что если даст себе волю, то может влюбиться по-настоящему. И никак не могла решить, хочется ей этого, или нет. Она была рассудительной девушкой, по жизненному опыту намного серьезнее своего двадцати одного года. Она почти ничего не знала о нем - ни кто он, ни откуда. Знала только, что он окончил Крэнзуэлл, военный колледж, то есть, был кадровым офицером ВВС и пришел в армию не просто на время войны, а на всю жизнь. Она понимала, что не ровня ему, но относилась к этому спокойно. Ее отец начинал с нижней палубы¹¹, и сейчас держит мебельную лавчонку на боковой улочке. Они - разные; тут уж ничего не поделаешь. Родителям наверняка придется не по вкусу, что она гуляет с офицером, да еще

¹¹Рядовой и старшинский состав ВМС (жарг.)

кадровым. Они скажут, что ничего хорошего из этого не получится. Может и не получится. Но на свидание в четверг она все равно пойдет.

Она уснула счастливая, улыбаясь своим мыслям.

Чэмберс ехал обратно на аэродром, еще ощущая всем телом ее тепло. Не исключено, рассуждал он с легкой насмешкой над самим собой, что он ведет себя как последний идиот. Сестер у него не было, и с девчонками он до сих пор общался мало. Его семья состояла из матери-вдовы, которая жила в одном из пригородов Бристоля, и старшего брата.

Инстинктивно он понимал, что оказался в опасной близости от той черты, за которой начинается настоящий роман. Он стал вдруг думать о женитьбе, хотя до этого ни разу о ней не помышлял. Рассудок подсказывал ему, что женитьба - это абсурд. Он и так еле сводит концы с концами на свое лейтенантское жалование; кроме того, всем известно, что на буфетчицах не женятся, их соблазняют. Он отогнал от себя эту мысль: такое хобби не по нем; да и потом, он понятия не имеет, как это делается. Его тревожило, что рядом с ней он отдыхает душой. Может говорить все, что вздумается и не бояться, что его поймут не так. Она была молода, она была здорова и казалась ему очень красивой.

Он завел машину в гараж возле казармы, хмуро кляня офицерскую долю. Женитьба на буфетчице, если ты мечтаешь о карьере в ВВС Его Величества, - не самый мудрый поступок. Его охватила обида и злость; мир следовало бы устроить как-нибудь иначе.

Он припарковал машину, накрыл капот ковриком и включил лампу-кролика, чтобы не спотыкаться о чужие велосипеды. Лампа ярко сияла в темноте - огненный призрак кролика. Его красные глазенки привели Чэмберса к черному входу в казарму.

В вестибюле он задержался и заглянул в табло оперативной информации. Так, утром облачность девять десятых на высоте двух тысяч футов. Лучше, чем вчера, но ветер - юго-восточный, тридцать миль в час - не очень хорошо. Он мысленно представил себе завтрашнюю погоду: ледяной порывистый ветер и солнце в редких разрывах облаков. Он пробежал глазами другие объявления; из новых появилось только одно:

"Завтра, 3 декабря, запрещается атаковать любые подводные лодки: в квадрате SL с 12:00 до 15:00, в квадрате SM - с 14:00 до 15:30, и в квадрате TM - с 14:30 до наступления сумерек.

Уинг-ком. Диккенс"

Какое-то мгновение Чэмберс смотрел на этот приказ; утром он перепишет его в блокнот. Он касается его зоны. Любопытно, сонно мелькнуло у него в голове, что бы все это значило; Диккенс темнит, как всегда. Глупость несусветная, подумалось Чэмберсу, хотя дисциплина, она часто такая и есть. Больше на доске для него ничего интересного не было, и он повернулся, чтобы идти дальше.

Но тут ему вспомнился "Лохенти", и его охватила злость на тупоумие начальства:

- Так и выпустим эту заразу, - буркнул он. - Старина Гитлер что хочет с нами, то и вытворяет...

Он поднялся к себе злой, раздраженный, с нервами на пределе - немного сказывалось эмоциональное напряжение сегодняшнего вечера. В колледже он почитывал стихи, все больше классику, и сейчас, когда стал раздеваться, в памяти вдруг всплыла знакомая строфа:

Ах, милая, ужели б мы с тобою,
Предвидя жребий, брошенный судьбою,
Остереглись направить жизнь свою
Как сердце просит - новою тропую?

Он усмехнулся, натягивая пижаму:

- Как же, направили, держи карман шире, - пробормотал он. Он улегся в постель, продолжая улыбаться собственной мысли. Вскоре он уже спал.

На следующий день у патруля была пересменка. Звено под командованием Хупера заступало на месяц в дневное дежурство; такое чередование имело целью хоть как-то скрасить монотонную скуку их полетов. Сегодня Чэмберсу можно было поспать подольше. По выработавшейся за месяц привычке он проснулся ровно в шесть и дремал в постели еще до восьми; потом встал и принял ванну. К девяти он позавтракал и пошел в ангар, в пилотскую.

Там его встретил Хупер:

- Сержанта Хатчинсона положили в госпиталь, - сообщил он. - Что скажешь, Джерри?

Чэмберс хмыкнул:

- Давно пора, - сказал он. - А то он за последние два дня меня своим гриппом с ног до головы обчихал. Кого на замену?

Командир звена сказал:

- Никого.

- Ну, ни хрена себе. Что же, прикажешь лететь без второго пилота?

- А кого я пошлю? Подскажи, если знаешь.

Они немного помолчали. На той неделе в их части прошла целая серия переводов в бомбардировочную авиацию: после безрассудного налета на Гельголандскую бухту там образовались вакансии, которые следовало заполнить. Пополнение из летных училищ ожидалось не раньше, чем через пару дней, и вторые пилоты были пока в дефиците.

Чэмберс сказал уныло:

- Сие, очевидно, означает, что мне придется гонять свою игрушку в одиночку.

- Хочешь, дам капрала Саттона?

Старший лейтенант покачал головой:

- У меня капрал Лэмберт на хвостовом пулемете, и бортрадист. Он может мне карты подавать.

Командир звена хорошо его понимал. Четвертый в кабине самолета, если он не пилот и не штурман, это не помощник, а скорее обуза: путается под руками и мешает молниеносным движениям пилота, которому приходится не только вести машину, но и самому прокладывать курс. Лучше уж заставить бортрадиста посуетиться немного.

Хупер сказал:

- О'кэй. Если ты сегодня идешь один, то завтра я отдаю тебе сержанта Абея.

Это предложение означало, что сам он завтра полетит без второго пилота.

Чэмберс сказал:

- Давай лучше после обеда разыграем это дело в "Сантьяго". - Оба были заядлые покеристы.

Он принялся переписывать все распоряжения на сегодня в блокнот, который закреплял потом в машине ремешком на бедре; среди них был и приказ, запрещающий бомбить подводные лодки.

- Слава богу, видимость сегодня получше, - сказал он, когда закончил.

Капитан кивнул:

- Еще один "Лохенти" был бы нам ни к чему.

Джерри сказал с досадой:

- А нам сегодня это без разницы, пусть хоть все море кишит подлодками и "Лохенти". Увидишь, не увидишь эту заразу, а бомбить не моги.

Он ушел из ангара и вернулся в казарму, злой и немного подавленный. Упоминание о "Лохенти" разбудило в памяти вчерашний разговор в буфете "Роял Клэрэнс". Он снова услышал голоса офицеров с траулеров и их рассказ об увиденном. Нарисованная ими картина снова встала у него перед глазами. Старухи в спасательных поясах, умирающие от холода, захлебывающиеся в солярке; их швыряют и колошматят с размаху серые чугунные волны ... И в довершение всего этот приказ с запретом атаковать подлодки!

В одиннадцать, поскольку им сегодня предстояло обойтись без обеда, он выпил в столовой чашку бульона "Боврил" и закусил парой галет. Потом опять вернулся в ангар. Самолеты уже стояли на бетонированной площадке перед ангаром, лопасти винтов вращались - техники прогревали двигатели; экипажи сутились вокруг. В пилотской переодевались шестеро - по двое на каждую из остальных трех машин. Он присоединился к ним, натянул комбинезон, ботинки, шлем, повязал шарф и приторочил к бедру планшет с блокнотом.

Они взлетели в одиннадцать-сорок пять; обещанный сильный ветер помог оторваться от земли. Видимость с высоты в тысячу футов была миль на пять, но неровная, к тому же сильно мешали промельки солнечного света, который прорывался время от времени сквозь промоины в облаках. Звено проследовало свободным строем до берега, где им попала смена утренняя, возвращавшаяся на базу. У берега они разделились и направились поодиночке каждый в свой квадрат.

У себя за спиной Чэмберс услышал стрекот пулемета: капрал Лэмберт выпустил в море обычную пробную очередь. Он повернулся на сидении и поманил бортрадиста к себе; парень встал и подал нужную карту. Неловкими движениями пилот расстелил ее на откидном сидении рядом и проложил курс к французскому берегу. Потом установил его на внешнем кольце компаса и поднял машину до полутора тысяч футов, под нижнюю кромку облаков.

Целый день они носились взад-вперед над серым холодным морем, опускаясь, время от времени, к самой воде - осмотреть каждое замеченное судно, записать его название, национальность, курс и скорость. Через каждые полчаса они выходили к берегу, на юге - к французскому, на севере - к английскому. Линию берега они не пересекали: приблизившись

на расстояние, достаточное для точного определения своей позиции на карте, они ложились на обратный курс, параллельный первому. После третьего или четвертого разворота Чэмберс правильно вычислил поправку на ветер, и каждый следующий полет проходил точно по линии, проложенной им на карте.

Весь день машина носилась взад-вперед над серым морем. Экипаж постепенно все больше и больше коченел; они сосали мятные леденцы, терпели холод и то и дело поглядывали на часы. В эту пору года, в декабре, темнота должна была снять их с дежурства раньше положенного времени - хоть какая-то компенсация за лютый холод. Заход солнца в тот день был в 3:53. Посадка - где-то в 4:15.

С приближением вечера быстрые промельки солнечного света в облаках исчезли, и небо затянула сплошная пелена. День начал угасать. К английскому берегу они вышли примерно в 3:25 и развернулись в сторону моря еще раз: до Франции они уже дойти не успели бы, но и возвращаться домой было еще рано. Машина гудела футах в шестистах над темнеющим морем почти под самым облачным потолком, время от времени пронизывая тонкие дымные хлопья.

Минут через десять Чэмберс увидел подводную лодку.

Он быстро поморгал глазами и посмотрел еще раз. Точно, подлодка. Похоже, она шла мили за две впереди, медленно двигаясь к северо-западу - короткий штришок на воде с бугорком посередине. Когда пилот ее увидел, в груди у него будто что-то повернулось, и в голове пронеслась мысль, что "Лохенти" погиб миль за тридцать от этого места. Господь смилостивился к нему. Избрал орудием расплаты.

Он с силой потянул штурвал на себя и вздыбил моноплан прямо в тучу над головой. Оказавшись в ее сумрачной пелене, он сбросил газ и, насколько хватило смелости, сбавил скорость: надо сделать все, чтобы они его не услышали, а то нырнут, и поминай, как звали.

Внезапные маневры вывели экипаж из полудомагатозного состояния. Капрал Лэмберт спрыгнул из пулеметной башенки вниз в кабину и подался вперед; бортрадист вздрогнул и проснулся. Пилот повернулся на сидении, от возбуждения его юное лицо горело:

- Подлодка! - заорал он. - На поверхности, мили за две прямо по курсу!

Капрал кивнул и сиганул обратно в свою башенку: его работа - пулемет. Пилот лихорадочно повернулся к карте. Возбуждение возбуждением, а приказы надо выполнять. Квадрат SM, до 15:30 ... Он

метнул быстрый взгляд на часы на приборной доске: 15:39. Они развернулись в 15:27 и двенадцать минут идут новым курсом. Скажем, двадцать шесть морских миль. Он шлепнул линейкой по карандашной линии на карте, которую сам недавно провел. Они еще в квадрате SM. До квадрата TM добрых две мили к западу.

Можно атаковать.

Несмотря на сброшенный газ, машина успела взобраться почти до двух тысяч футов и неслась в плотном слое облаков. Скорость упала: меньше сотни узлов. Чэмберс легонько надавил на ручку и оглянулся назад, окинув быстрым взглядом кабину. Капрал в пулеметной башенке перегнулся, встретился с ним глазами и весело показал кулак с торчащим вверх большим пальцем. Чэмберс сел прямо, устроился поудобнее и перевел машину в пике.

Она быстро набирала скорость. Они вырвались из облаков под углом в сорок градусов к горизонтали. Пилот бешено завертел головой, разыскивая подводную лодку.

Он увидел ее далеко в стороне от себя, слева; по-прежнему в надводном положении - тонкий карандаш на темно-серой рифленой поверхности моря.

Свист воздуха за стеклами кабины перешел в пронзительный вой. На развороте сбрасывать бомбы нельзя: промажешь; обязательно нужно выйти в пике прямо на нее. Он пробормотал: - А, сука, падла! - и, не выходя из пикирования, бросил моноплан на правое крыло. Потом наклонился вперед и щелкнул двумя переключателями на панели управления бомбосбрасывателя - выбрал серию из четырех маленьких бомб и перевел кнопку бомбометания в боевую готовность.

Потом метнул быстрый взгляд на указатель воздушной скорости. Внизу, под надписью "Скорость пикирования не выше 200 узлов" стрелка дрожала на циферблате между 230 и 240. Он еще раз взглянул на подлодку, прикинул свой пикирующий момент, потом резко положил моноплан на левое крыло, в ее сторону, одновременно очень плавно забирая штурвал на себя.

Подлодка выросла прямо по курсу, носом почти ему в лоб. Хорошая позиция для атаки, но при этом из поля зрения выпадали борта боевой рубки. Он с отчаянием всматривался вперед, стремясь разглядеть опознавательные знаки. Он не решался бомбить сходу, не убедившись, кто перед ним - свои или чужие. На мостике никого не было; лодка

продолжала движение, но в воде сидела уже пониже. Пошла на погружение.

Британские подводные лодки несли опознавательные знаки на рулях глубины. Ее рули глубины он видел - в кипящем облачке пены они с силой резали воду, развернутые вертикально для ускорения погружения. В те считанные доли секунды, которые остались до выхода из пике, он с отчаянием старался разглядеть цвет окутанного пеной металла. И тут налетела волна с подошвой глубже, чем у остальных. Левый передний руль глубины на какое-то мгновение освободился от пены, и под струями стекавшей воды мелькнула серая краска.

Он заставил себя отвлечься и меньше чем на секунду всем своим существом сосредоточился на выходе из пике. Потом, когда нос подлодки исчез в нижней части фонаря пилотской кабины, его одетая в перчатку рука, лежавшая до этого на дроссельной коробке, передвинулась на кнопку бомбометания и вдавила ее твердым тычком. Моноплан взметнулся вверх над низко сидящим серым корпусом лодки, и первая серия из четырех бомб ушла с высоты футов в сорок.

Машина взмыла свечой на триста-четыреста футов вверх, и пилот бросил ее в крутом развороте назад. За спиной зашелся дребезжащим стрекотом пулемет: капрал Лэмберт поливал стальную скорлупу во всю. Потом моноплан развернулся в крутом вираже, и лодка опять стремительно вошла в поле зрения пилота.

Одна из бомб угодила в боевую рубку, либо рядом с ее основанием: всю надстройку заволокло дымом. Что-то похожее на палку - то ли перископ, то ли мачта - сорванное взрывом, тыкалось из стороны в сторону с мостика боевой рубки; пилоту показалось, что лодка застопорила ход. Волны уже перекатывались через палубу; она быстро уходила на погружение.

Нельзя было терять ни минуты. Он продырявил ее не очень сильно, она еще могла улизнуть на глубину. Он всем телом отчаянно навалился на штурвал и снова бросил моноплан в пике. Потом быстро наклонился вперед к переключателям и выбрал на селекторе еще четыре маленьких бомбы и одну из имевшихся у него двух больших.

Лодка опять стала стремительно расти в стеклах кабины. Он вывернул из пике прямо перед ней и с яростью ткнул пальцем в кнопку бомбометания. На мгновение наступила тишина, потом сзади опять застрекотал пулемет, и громыхнули разрывы. Затем рвануло еще сильнее - под водой сработала большая бомба замедленного действия.

И опять в отчаянном выраже пилот бросил машину назад. Подлодка всплыла в его поле зрения, и он сразу понял, что что-то изменилось. Большая часть ее корпуса сидела над водой выше, чем когда он увидел ее в первый раз, но корма опустилась ниже. Рядом с кормой оседал громадный водяной столб от взрыва большой бомбы, а море вокруг кипело пеной и воздушными пузырями.

Он снова ринулся в пике. Теперь подлодка надвигалась хвостом: он зашел с кормы; было видно, что она серьезно повреждена. Он поставил на взвод оставшуюся большую бомбу и четыре маленьких, и зашел на нее опять. Когда ее корма пронеслась внизу под стеклом кабины, он с силой вдавил кнопку на дроссельной коробке.

Он взмыл вверх и развернулся. Когда она снова всплыла в поле зрения, его сердце бешено заколотилось в груди. Громадный столб воды вырос совсем рядом с корпусом лодки, за рубкой, ближе к носу, а сам нос стал задираться вверх. Он смотрел, как завороченный; серый нос - с него капала вода - медленно вздымался над морем чудовищной, отвратительной головой рептилии. И вся лодка казалась живым существом, омерзительным, грязным.

Какое-то мгновение он наблюдал за ней, летя по кругу. Вдруг из носа, еще более увеличивая сходство с рептилией, брызнула фонтаном и хлынула в море коричневая жидкость. Чэмберс смотрел вниз с отвращением и ненавистью. Он перестал воспринимать ее как корабль - творение человеческих рук. Она казалась чем-то ужасным, подлежащим уничтожению.

С перекошенной от напряжения верхней губой он направил машину назад. По виду этой твари он понял, что где-то ее продырявил; он наклонился вперед и поставил на взвод все оставшиеся переключатели селектора бомбосбрасывателя. И когда пронесся над ней опять, вдавил кнопку бомбометания в последний раз; все оставшиеся в машине бомбы ушли вниз.

Он развернул моноплан, теперь более плавно: он сделал все, что мог. Когда цель опять вошла в зону видимости, ее нос торчал практически вертикально, вся боевая рубка погрузилась в воду. Море вокруг подлодки кипело - частично от разрывов бомб, частично от сифонившего через пробойины воздуха. Нос медленно уходил вниз, под воду. День угасал; стемнело настолько, что много деталей разглядеть было невозможно. Вот на поверхности осталось футов шесть.

Вот только три. Вот уже только кончик.

Вот исчез и он.

Не осталось ничего, кроме громадного белесого маслянистого пятна среди серой морской зыби.

На мгновение он расслабился. Бортрадист стоял рядом, глядя через его плечо в окна кабины. Чэмберс сказал:

- Теперь ей крышка.

Парень заорал в ответ, перекрывая рев моторов:

- Отличная работа, сэр! Первая в эскадрилье!

Пилот кивнул:

- Это должно быть та самая, что накрыла "Лохенти"! - закричал он.

Он повернулся и посмотрел назад. Капрал, перегнувшись, выглядывал из-за турели пулемета, показывая два больших пальца, его покрасневшее лицо сияло от удовольствия. Пилот ухмыльнулся, показал большой палец в ответ, и снова вернулся к своей работе.

Во время боя ему показалось, что он заметил какое-то судно. Он прошелся с минуту по кругу, вглядываясь в сгущавшиеся сумерки. И, наконец, увидел. Это был траулер, выкрашенный в серый цвет, и, следовательно, состоявший на военной службе. Он находился милях в трех к югу и на всех парах спешил к месту событий.

Чэмберс прошелся над ним на бреющем, сделал круг; с крохотного мостика на ходовой рубке ему помахал рукой какой-то офицер. Он помахал в ответ, пролетел немного вперед и спикировал к самой воде, обозначая место боя. Там уже не на что было смотреть - только маслянистое пятно на воде да густая масса поднимающихся из глубины белых пузырей.

Он полетел обратно к траулеру и сопровождал его минут десять, пока тот не вышел на точку. Потом, в сумерках, повернул к дому.

Капрал вылез из пулеметной башни и пробрался через кабину к пилоту. Его распирало от гордости:

- А сержанту-то не повезло. Вот попсихует старикан, как узнает, - закричал он. - Будет локти кусать, ей-ей.

Джерри расплылся в улыбке:

- Не пофартило мужику, - закричал он в ответ. - Столько времени с нами летал, и вот.

- Так ему и надо. Нечего простужаться.

Он пристроился на корточках рядом с пилотом и смотрел вперед через лобовое стекло. Вскоре они прошли над линией берега, а через десять минут приблизились к аэродрому. Машина заложила низкий вираж

над ангарами, и капрал выпустил шасси; проходя над бетонкой, они увидели, что люди внизу останавливаются, провожая их взглядами.

Капрал хохотнул:

- Заметили, что у нас бомбовые подвески пустые, - в упоении сказал он. - Вот они на что уставились.

Пилот зашел на посадку; закрылки опустились. Внизу промелькнула изгородь, и земля пошла им навстречу; Чэмберс с силой потянул штурвал на себя, машина коснулась дорожки и покатила по бетону. Потом сбросила скорость и замерла; Чэмберс оглянулся назад и повернул ее к ангару.

Когда он затормозил на бетонированной площадке, уже почти стемнело. Пара техников бросились к ним со всех ног; капрал прошмыгнул через кабину и спрыгнул на землю.

Один техник сказал:

- Где бомбы, капр?

Капрал Лэмберт гордо напыжился:

- Упали, юноша, на одну хренову субмарину, - сказал он. - Самое что ни на есть для них место.

Новость полетела из уст в уста:

- Потопили, капр?

- Где это произошло?

- Корабли какие-нибудь рядом были?

- Другие самолеты помогали?

- По вам стреляли?

Вокруг капрала быстро набухала толпа.

- Ее офицер потопил, ребята, - сказал он. - Мистер Чэмберс. Я-то хрен что могу: засадил пару очередей из пулемета, но он подлодке, что слону дробина.

- Та самая, что наше судно вчера потопила, торпедой, да?

- Этого, дружище, я тебе не скажу. Офицер думает, что да.

Чэмберс выбрался из машины, прижимая карты к груди. Толпа приветственно загудела. Он смутился и стоял в своем летном комбинезоне, с зарумянившимися щеками, на голову выше большинства из них.

- Спасибо большое, - неуклюже сказал он. - Нам сегодня чуток повезло. Жаль, сержанта Хатчинсона не было.

Они опять закричали ура, на этот раз громче. Он протиснулся сквозь толпу и пошел к пилотской; человек десять увязались за ним. Уже практически стемнело. Навстречу выбежал Хупер:

- Джерри, это правда?

- Почему же нет, старик, - сказал он. - Уделали ее в лучшем виде.

- Ты ее потопил?

- Само собой. Она у меня аж дыбом стояла - носом по вертикали.

- Отличная работа, черт побери! Тебя кто-нибудь видел?

- Там был какой-то траулер, мили за три. Я показал ему место.

Они вошли в пилотскую вместе. Не успел Чэмберс выбраться из комбинезона, как летчики окружили его, засыпая градом вопросов. Он переодевался под вавилонский гам их голосов и споров; он еще не закончил, когда вошел Петерсон, командир эскадрильи.

На мгновение все замолчали, и командир эскадрильи сказал:

- Это правда, что вы накрыли подлодку?

Молодой человек выпрямился:

- Так точно, сэр. По-моему, никаких сомнений.

Он повторил свой рассказ. Командир эскадрильи сказал:

- Ну, отлично. Я только Диккенсу позвоню, узнаю, он сразу вас вызовет, или подождет, пока напишете рапорт.

Он снял трубку, но номер уинг-командера был занят.

Хупер сказал:

- Предлагаю пойти и взломать бар.

Все как один ринулись в столовую, увлекая за собой офицеров, попадавших по пути. Новость пронеслась по лагерю, как лесной пожар. Тем временем стемнело, все работы закончились. Красный и смущенный, Чэмберс стоял в толпе офицеров с пинтой пива в руке, едва успевая отвечать на вопросы.

В вавилонском гаме разговоров и поздравлений сквозь толпу протиснулся официант и сказал:

- На проводе уинг-командер Диккенс. Он требует скуодрон-лидера Петерсона и мистера Чэмберса к себе.

Чэмберс осушил свою кружку и вышел из комнаты вслед за командиром эскадрильи. Они надели шинели. На улице стояла темень, моросил мелкий дождик.

Они добрались до командирского офиса, с трудом нащупывая дорогу: ни тот, ни другой не догадался захватить с собой фонарик. В коридоре они потоптались немного, потом постучали. Диккенс ответил:

- Войдите.

Он сидел один за письменным столом. Когда они вошли, он медленно поднялся. И сказал хмуро:

- Добрый вечер.

Потом повернулся к Чэмберсу: - Насколько я понял, вы сегодня вечером потопили подводную лодку?

Молодой человек слегка опешил: уж очень неласков был голос уинг-командера. Неужели что-то не так? Он сказал:

- Я атаковал ее, сэр. По-моему, она точно затонула.

Уинг-командер взял со стола листок бумаги и протянул ему:

- Эту радиограмму мне только что принесли.

Озадаченный командир эскадрильи заглянул Чэмберсу через плечо, и они прочитали ее вместе. Она была с борта траулера Т383. В ней говорилось:

"15:41 квадрат SM/TM самолетом "Энсон" уничтожена подводная лодка. На месте обнаружены две бескозырки британских ВМС, матросская рубашка британских ВМС, две пустых пачки из-под сигарет "Плейерз"¹². Немедленно возвращаюсь порт. Позиция помечена бум.

В кабинете наступила мертвая тишина.

Диккенс угрюмо сказал:

- Боюсь, одна из наших лодок опаздывает на базу. Подводная лодка "Каранкс" не отвечает на сигналы.

Зазвонил телефон. Уинг-командер подошел к столу и взял трубку.

Телефонист сказал:

- На проводе капитан Бернэби, сэр.

¹²Сорт английских сигарет